

Глава 4

Пока Линь Сынянь кормил Фэйфэя, тот съел почти половину миски яичной лапши и, удовлетворённо похлопав себя по животу, заявил:

— Папа, я наелся.

Услышав это, Линь Сынянь больше не настаивал. Он отставил миску с палочками и снова приложил руку ко лбу Фэйфэя — кажется, стало ещё горячее. Он взглянул на часы и уже собирался снова позвонить доктору Вану, чтобы поторопить его, как в дверь позвонили.

Линь Сынянь подошёл к двери, посмотрел на монитор домофона и, убедившись, что это действительно доктор Ван и никого больше, открыл.

Внутри вошёл пожилой мужчина с очень добрым лицом и медицинским саквояжем в руке. Когда Линь Сынянь закрыл за ним дверь, он добродушно рассмеялся:

— Сынянь, а новое твоё место и впрямь непросто найти. Я покружил порядочно, пока нашёл.

Линь Сынянь ничего не ответил, лишь кивнул ему:

— Дядя Ван.

Доктор Ван не обиделся на его сдержанность и перевёл взгляд на малыша, которого Линь Сынянь пересадил со стола на диван.

— Похоже, вот и мой маленький пациент.

Из-за температуры щёчки Фэйфэя разрумянились. Незнающий человек мог бы подумать, что это просто милый румянец, но доктор Ван с первого взгляда определил, что у малыша жар.

Он подошёл к дивану, поставил саквояж на журнальный столик и открыл его. Внутри лежали стетоскоп, шприцы разных размеров, капельницы и ампулы с лекарствами.

При виде шприцов в саквояже Фэйфэй тут же вспомнил «трагические» события этого дня. На его маленькой ручке до сих пор остались два следа от уколов, один из которых уже посинел из-за того, что он дёрнулся.

Инстинкт маленького зверька, столкнувшегося с опасностью, — бежать. Фэйфэй не был исключением.

Малыш спрыгнул с дивана, забыв про укутывавшее его одеяльце, и босиком бросился к Линь Сыняню, спрятавшись за его ногами. За последние несколько часов он уже успел безоговорочно довериться этому папе.

Он чувствовал, кто желает ему добра.

— Что такое? — наклонился к нему Линь Сынянь.

— Папа, не надо этого, — малыш не знал, как называется та штука, которая причиняет боль, поэтому, держась за большую руку Линь Сыняня, он ткнул в сторону саквояжа своим крохотным пальчиком. — Больно, вот здесь больно.

Малыш был настолько напуган, что, указав пальцем, тут же отдернул руку, словно боялся, что доктор Ван схватит его и утащит делать укол.

Линь Сынянь, увидев, как Фэйфэй держится за ручку, всё понял.

— Боишься уколов? — Все дети боятся уколов. В их мире укол — это, наверное, самое страшное, что может случиться.

«Так вот как называется то, что делает больно, — укол». Малыш замотал головой, как волчок.

— Не надо уколов, папа, Фэйфэй хороший, Фэйфэй не будет делать укол.

Он до сих пор был в замешательстве. Он ведь так старался быть хорошим, почему ему всё равно делают уколы? В его детском мире боль и уколы были равнозначны наказанию.

Наказанию за то, что он не слушался, за то, что он так и не научился говорить.

К счастью, то, что происходило с ним до восстановления души, Фэйфэй помнил смутно, лишь на уровне ощущений. Это не оставило в его душе глубоких шрамов, и он по-прежнему оставался весёлым и жизнерадостным ребёнком.

Можно сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло.

После терпеливых объяснений Линь Сыняня малыш наконец понял, что укол — это способ лечения. Он заболел, и чтобы выздороветь и перестать чувствовать себя плохо, нужно сделать укол. Головокружение и сонливость — это симптомы болезни, а здоровые люди так себя не чувствуют.

К тому же, Линь Сынянь не стал объяснять малышу, для чего были те два предыдущих укола,

объединив их все в категорию «лечение».

Укол — это лекарство, а не наказание за непослушание. И если не лечиться, будет гораздо хуже, чем от укола. После таких слов малыш перестал так сильно сопротивляться.

Заметив босые ножки малыша, Линь Сынянь нахмурился, снова поднял Фэйфэя и усадил на диван.

— Сначала пусть дядя доктор тебя посмотрит. Если несерьёзно, то укол делать не будем.

Услышав это, малыш все последующие несколько минут, пока доктор Ван его осматривал, смотрел на него с огромной надеждой в глазах.

— Всё-таки придётся сделать укол, так температура спадёт быстрее. Малыш выглядит слабоватым, похоже на недоедание. Долго температурить ему вредно. Это нужно будет исправить в будущем.

Доктор Ван безжалостно разрушил надежды малыша. Глядя на то, как выражение лица этого невероятно милого ребёнка сменяется с надежды на разочарование и страх, он невольно улыбнулся.

И тут же замер. Он... улыбнулся?

Сколько лет прошло? Сколько лет он не испытывал искренней, неподдельной радости? Лет двадцать, наверное?

Он отчётливо помнил, как в последний раз по-настоящему радовался, когда успешно провёл операцию на сердце, от которой отказались другие врачи. Вырвав того человека из лап смерти, он почувствовал ни с чем не сравнимое удовлетворение.

Но с тех пор ни одна, даже самая сложная и успешная операция, не приносила ему тех же чувств. В конце концов, он, разочаровавшись, ушёл из большой хирургии и стал частным врачом нескольких богатых семей.

Рука доктора Вана, державшая шприц, слегка дрогнула. Для хирурга с его опытом это было немыслимо. В этот момент он смотрел на ребёнка, съевшегося в объятиях отца, с невероятной теплотой.

Если бы он не знал по лицу, что это сын Линь Сыняня, он бы захотел забрать его и воспитывать самому.

Уходя, доктор Ван всё никак не мог расстаться с ними. Он долго и подробно инструктировал

Линь Сынянь, давал советы по уходу за ребёнком, расписывал диету для укрепления организма. Сначала говорил, а потом, решив, что этого мало, достал блокнот и начал всё записывать.

И чем дальше, тем больше он писал. Казалось, этому не будет конца.

— Да, Сынянь, я вот что скажу: как можно быть таким невнимательным к ребёнку? Даже если съёмки, нельзя же доводить малыша до истощения. Если совсем нет времени, отправь его к родителям, пусть они помогут. К тому же, я живу недалеко от них, смогу присматривать. — Не успел доктор Ван договорить, как Линь Сынянь, помрачнев, выпроводил его за дверь.

Он что, слепой и не видит, как старик, говоря всё это, косится на Фэйфэя? Кажется, этот малыш обладает каким-то чрезмерным обаянием.

Даже когда сам Линь Сынянь в детстве болел, доктор Ван не проявлял к нему такого рвения.

И не только доктор Ван, но и Ли Сюй. Только что звонил, спрашивал, не нужно ли купить малышу какие-нибудь предметы первой необходимости. А перед тем, как повесить трубку, Ли Сюй уже давал распоряжения ассистенту купить для Фэйфэя кровать, молочную смесь, одежду и прочее.

Дело было не в ревности, Линь Сынянь был не настолько инфантилен. Просто ему, как человеку с обострённым чувством территории, было неприятно, что кто-то вмешивается.

Его ребёнок, и всё, что с ним связано, должно быть его заботой. Какого чёрта все лезут?

Но как бы он ни был недоволен, некоторые вещи Линь Сынянь действительно не мог сделать сам. Например, готовить.

Из-за болезни Фэйфэя запланированный переезд пришлось отложить. К счастью, работа Линь Сыняня была почти закончена, съёмки последнего фильма завершились несколько дней назад. Так что он решил остаться дома и ухаживать за малышом.

Список рецептов, оставленный доктором Ваном, был обширен. Все блюда были вкусными и полезными, но требовали определённого кулинарного мастерства.

А Линь Сынянь, чей кулинарный арсенал ограничивался яичницей с помидорами, лапшой с теми же помидорами и жареной картошкой с перцем, такими талантами не обладал.

Глядя на своего худенького сынишку, у которого только щёчки были пухлыми, Линь Сынянь, скрепя сердце, был вынужден позвать на помощь.

Этой помощью стал Ли Сюй.

Этот известный в кругах шоу-бизнеса топ-менеджер был не только успешен в работе, но и обладал кулинарным талантом на уровне шеф-повара.

На кухне, великий менеджер Ли в фартуке, помешивая куриный бульон для Фэйфэя, отвечал на телефонный звонок. Его тон был резким и недовольным.

— По таким мелочам мне звонить? Чему вы вообще научились, работая со мной? Можете связаться со СМИ и убрать новость — убирайте. Не можете — подавайте в суд, отправляйте официальное письмо от юристов. У компании что, юридического отдела нет?

Агент на том конце провода лепетал в панике:

— Простите, брат Ли, я так и сказал, но Фань Вэй не соглашается. Говорит, хочет использовать эту новость, чтобы раскрутить слухи о романе с Цзян Хаояном. Я не был уверен, что делать, вот и позвонил вам.

Ли Сюй неторопливо приправил суп и, попробовав, равнодушно бросил:

— Пусть делает.

— Правда? — удивился агент Фань Вэй. Он, в общем-то, был согласен с идеей своей подопечной, поэтому и решился позвонить Ли Сюю, надеясь на уступку. Не ожидал, что тот так легко согласится.

Но не успел он обрадоваться, как Ли Сюй продолжил:

— Если вам не нужна помощь компании в решении последствий и вы готовы нести всю ответственность сами, то делайте что хотите. Мне всё равно.

Услышав это, агент Фань Вэй сдулся.

Ли Сюй был не просто менеджером Линь Сыняня, он был начальником отдела планирования и фактически третьим человеком в компании после председателя совета директоров и генерального директора. Если он сказал, что не будет помогать, значит, никто в компании действительно не посмеет вмешаться, если что-то пойдёт не так.

Все знали, насколько безумными могут быть фанаты — случай с Линь Сынянем был тому ярким примером. Без поддержки компании они не решались на такой рискованный шаг. Кто знает, вдруг всё закончится трагедией.

Ли Сюй аккуратно снял жир с поверхности готового бульона и разлил его по тарелкам.

— Ладно, у меня сейчас очень важное дело. Что можете решить сами — решайте. Если совсем нет уверенности — тогда звоните. Но таких глупых вопросов я больше слышать не хочу.

— Да, да, конечно, — услышав, что у Ли Сюя важное дело, и вспомнив о куче проблем, связанных с главной звездой компании Линь Сынянем, агент больше не смел отвлекать его и послушно повесил трубку.

Услышав гудки, Ли Сюй бросил телефон на стол, подошёл к малышу, который увлечённо смотрел мультики, и с улыбкой ласково спросил:

— Суп будешь? Дядя Ли положил в тарелку большую куриную ножку.

Услышав это, малыш тут же отвлёкся от мультиков и громко ответил:

— Буду

<http://bllate.org/book/13654/1581185>